

ТИХОН РЫСЕЕВ

ПО ТУ СТОРОНУ ТРАССЫ

НЕ САДИСЬ К НЕМУ В МАШИНУ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

ТИХОН РЫСЕЕВ

По ту сторону трассы

«Автор»

2026

Рысеев Т.

По ту сторону трассы / Т. Рысеев — «Автор», 2026

Люба Новосёлова сбежала из дома, надеясь спастись от нищеты и страха. Но у трассы, возле придорожного комплекса «Рысья гора», её встретил не спаситель, а хищник по имени Шерхан — человек, который разрушил её жизнь и исчез, чтобы однажды вернуться. Теперь она — Мари. Девушка без документов, без прошлого, с двумя верными подругами и старыми красными бусами — единственной памятью о погибших родителях. Она живёт на краю, среди тех, кого общество не замечает, и пытается выжить в месте, где закон не действует. Когда вокруг «Рысей горы» начинается незримая война за власть, Мари оказывается между двух огней: властной хозяйкой комплекса Инессой и Шерханом, который не намерен её отпускать. Здесь мёртвых не хоронят по-обычному, у тёмных сил есть свои покровители, а прошлое не умирает. И с каждым днём Мари всё яснее понимает: чтобы остаться в живых, ей придётся перестать быть собой. Мрачная история о выживании, мести и цене, которую платят за свободу.

© Рысеев Т., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Тихон Рысеев

По ту сторону трассы

Глава

Глава 1

Судовой журнал.

Это я — Люба Новоселова. Репортаж ведется прямиком из нашего Форда. Я сижу на заднем сидении в россыпи конфет и упаковок от чипс. За рулем Костик, а рядом с ним Мари. Сейчас она красит ногти на ногах красным лаком, и ворчит на Костю, чтобы тот вел машину аккуратнее, так как от тряски педикюр размазывается, и это выглядит ужасно.

— Как будто я танцевала три часа в обуви на два размера меньше, — говорит она, — Поэтому объезжай ямы как-то более аккуратно.

И сейчас мы едем в Рысьегорск, по очень важному делу. Я не очень хочу понимать, по какому. Когда я спрашивала, Мари говорила, что это не моего ума дело. А еще она утверждала, что я склонна к ожирению для своих семнадцати лет:

— И ты никогда в жизни не станешь красивой, если будешь жрать чипсы. Там тысячи калорий, и ты почти не шевелишься.

Еще она говорит:

— И пожалуйста. Если я даю тебе деньги на одежду, то соизволь покупать что-то не такое кричащее. Этот розовый свитер оскорбляет мой взор.

Сама Мари выглядит как девушка Джеймса Бонда. Точнее не выглядит, а ведет себя так, будто у нее есть пистолет в сумочке, и пилюля цианистого калия в медальоне. Но я точно знаю, что цианида у нее нет, так как она давно бы его использовала ради любопытства. Небольшой револьвер на предохранителе прячется в бардачке под кипами карт, компакт дисков, и прокладок. Сейчас ее черные волосы скрывают худое и вечно недовольное лицо, так как она склонила голову над своей ногой. Несколько прядей за ухом. За ухом, в котором продеты колечки.

Ее Джеймс Бонд кашляет. Прямо сейчас в прямом эфире он открывает окно, и выплёвывает комок мокроты. Закуривает. Левая рука крепко держит руль. Правая поставляет Костику порцию никотина. Пепел он стряхивает в банку из под колы, которую я осушила еще два города назад. Кстати, Константин со мной мало общается. Настолько мало, что в моих мыслях он просто короткие темные волосы, белая майка, и грязные джинсы. Костик с руками в масле. Костик, что-то уминающий на заправке, облокотившись о машину. Костик, который ходит так, будто у него все по жизни схвачено.

Костик, который лежит в номере отеля на ковре, и бьется затылком об истертый ковер... Костик, который запирается в ванной и кричит...

— Сколько еще ехать? — спрашивает Мари, взявшись за вторую ногу. Она начинает наносить лак сначала на большой палец.

— Километров шестьсот. Может уже больше. — отвечает Костик.

— Капец. — вздыхает девушка Бонда.

Я приспускаю окно со своей стороны, чтобы выветрить из салона сигаретный дым и вонь от лака для ногтей. Мне уже надоело смотреть по сторонам. Вся дорога состоит из голого апрельского леса. Трава у дороги прошлогодняя и серая, вся покрытая пылью.

Это я — Люба Новоселова. На заднем сидении в россыпи фантиков от каких-то жутко дорогих конфет. Под ногами грохочут пустые банки из под газировки. Мне семнадцать лет, и у меня яркие рыжие волосы, убранные на висках розовыми заколками. Мой рюкзак таит в себе

очень много тайн. Он очень тяжелый. Я достаю оттуда журнал, украденный на ресепшен отеля. Я открываю его посередине, чтобы посмотреть на модели. Ищу пробники новомодных ароматов. Знаете, это те страницы, которые источают запах тех или иных духов, если их потерять. У Мари есть флакон Chanel №5, но она не разрешает мне ими пользоваться. Зато она тайком пользуется моими дешевыми духами. Когда от нее начинает пахнуть фруктами и ванилью, я сразу понимаю, что она рыскала в моем рюкзаке.

Прошлой осенью Мари исполнилось двадцать пять лет. Костик в этом году будет тридцать. Это я к тому, чтобы обозначить временные рамки, разделяющие нас.

Репортаж заканчивается на том, что Костик нечаянно сбивает лису, появившуюся непонятно откуда. От резкого тормоза машину ведет в бок, но мы чудом не оказываемся в кювете. Мари выходит босиком из машины, чтобы посмотреть на то, что осталось от лисы. Когда я открываю дверь, Мари говорит:

— Если хочешь до вечера делать вид, что не плачешь, то тебе стоит посмотреть.

И я закрываю дверь.

Преодолев к ночи лишь половину пути, мы снимаем номер в гостинице очередного городка, чье название даже не читали, когда въезжали в пригород. Из багажника забираем вещи, и заселяемся в семейный номер с одной двухспальной кроватью, и одной односпальной. Я первой занимаю душ, и переодеваюсь в джинсы и футболку. Ложусь на кровать, кутаюсь в плед, и закрываю глаза. В голове что-то плывет. Такое бывает, когда ты долго пялишься на дороге. Интересно, как это сносит Костик?

— Я надеюсь, денег до Рысьегорска хватит, — говорит Мари.

— Денег хватит на два Рысьегорска, — отвечает Костик.

Я слышу их голоса, но сама смотрю на черноту за закрытыми глазами. Кажется, что мы в пути целую вечность, но на деле — две недели с того момента, как Мари меня похитила. Мне хотелось задержаться хотя бы в одном месте дольше, чем на сутки. Каждый день что-то менялось, и мне это уже надоело.

Костик говорил, что Мари похожа на Покахонтас. И эта Покахонтас с каре расставляет свои туалетные принадлежности на всех поверхностях, которые ей только доступны. Обживает, чтобы утром в спешке все это побросать в дорожную сумку, и уехать.

И когда он уходит, чтобы раздобыть еды, Мари говорит, что хочет, чтобы с ней случилось несчастье. Не болезнь, не авария, не утрата близких, а что-то действительно страшное и трагичное. То, от чего у нее поменялось бы отношение к жизни, так как сама что-то изменить она уже не в состоянии.

— Понимаешь, — говорит она, нанося темно-красную Vivienne Sabo на губы, — Я жду, когда судьба сама толкнет меня на великие свершения в жизни.

Я смотрю, как она помадой водит по губам, а потом промакивает излишки бумажной салфеткой. Я смотрю на ее лицо через зеркало на столе нашего номера, за которым Мари приводит себя в порядок. Она говорит, что было бы славно, если бы ее похитили в сексуальное рабство, в котором ее избитую и привязанную к батарее продавали каким-нибудь преступникам.

Нанося голубые тени на верхнее веко, она восклицает:

— В этой истории вообще нет никакого смысла. Я просто живу. Пытаюсь быть счастливой, по возможности. — она роется в косметичке в поисках карандаша для бровей, и продолжает, — Я точно знаю чего не хочу. Но я не знаю, что мне действительно нравится.

В этом номере в восемнадцать квадратных метров моя кровать стоит у стены на против окна. У окна же и стоит стол, за которым моя сестра философствует сама с собой, нежели чем со мной. Я от скуки копаюсь в телефоне, укутанная в плед. Мари сидит ко мне спиной, но я вижу ее лицо в отражении зеркала. Ее с Костиком кровать стоит у другой стены рядом с

мини-холодильником, на котором она расположила свою богатую коллекцию духов, лаков для волос, и всего того, что ее делает красивой. В банке из под бальзама для волос она хранит свои драгоценности. Зарядка, крем для рук, пачка тонких сигарет Vogue, пустая банка из под Red Bull. Она говорит:

— Нам нужно купить новую косметику. Мне эта уже надоела.

Я говорю, что очень хочу погулять по центру Рысьегорска, и что мне тоже нужен консилер и контурный карандаш для губ.

— А о чем мечтаешь ты в данный момент? — она смотрит на меня через зеркало.

Моя мечта: уменьшиться до капли спермы, чтобы меня перезачали, но с лишней хромосомой. Или чтобы меня сбил автобус, после чего я стала бы имбицилкой.

— Тупой, или сумасшедшей? — уточняет она.

— Тупой. — отвечаю я.

Мари распускает хвостик на затылке, и исчезает в ванной с плойкой для волос. Я выбираюсь из объятий пледа, сажусь на нагретый задницей Мари табурет, и решаю, кем я сегодня хочу быть. В любом случае, личина за слоем косметики будет неизменной, но это не для глаз любого прохожего. Я решила, что тоже хочу стать красивой. Хотя бы на сегодня. Мы собираемся немного прогуляться по ночным улицам, и поискать круглосуточные магазины.

Нанося слой тонального крема, я слушаю разглагольствования Мари из ванной:

— Если не можешь что-то исправить в своей жизни, то значит это надо романтизировать. Чтобы страдания были хотя бы красивыми. Но мне кажется, что ты прекрасно с этим справляешься.

— Ты думаешь? — спрашиваю я, и неумело подвожу глаза карандашом. Я не особо желаю знать ответ Мари.

— Да. Я видела твои фотографии и стихи. Я бы заплатила за них. Они слишком хороши.

— Ты серьезно так считаешь?

— Серьезно. Но больше похвалы от меня не жди. Ты итак исчерпала лимит на сегодня.

Проклятье.

— Что там?

Мари выходит из ванной с плойкой, и говорит, что розетка неисправна.

Мы втроем слоняемся по городку и курим одну за одной. Мы не сворачиваем с главных улиц, и ищем круглосуточный магазин. Сдаемся, и спрашиваем редких прохожих. Оказывается, здесь даже отродясь не было ночных ларьков.

— Можно вернуться к машине, и съездить на заправку. Они всегда работают. — предлагает Костик.

— Ты можешь съездить с мелкой. Я устала, и хочу побыть одной, — отвечает Мари.

— Как хочешь. Но я не буду покупать твоей сестре чипсы.

— Что это значит? — возмущаюсь я, — Я подыхаю с голода.

— Ты итак все задние сидения засрала едой. Пожалей машину, — говорит мне Костик.

— Она на свои купит, — говорит Мари. И обращается ко мне, — Мне возьми энергетик и какую-нибудь шоколадку.

— Блять. После вас машине даже химчистка не поможет. Белый салон, и он уже загажен жирными пятнами, соком, и губной помадой. Мы не можем сейчас позволить себе купить другую. А с такими пятнами эту продать будет сложнее.

— Когда ты научишь меня водить? — спрашиваю я, и вспоминаю, как в первый день путешествия заметила в белом салоне нашего Форда какого-то там года следы от губной помады. Они были похожими на ранки, и Мари говорила, что нечаянно оставляла следы от губ, когда Костик трахал ее. Прямо в машине.

— Через год, — говорит он, — Надеюсь, я не доживу до твоего совершеннолетия.

Мы возвращаемся в отель. Мари притворяется спящей, а Костик со мной едет на заправку. Я сижу на переднем сидении, и пытаюсь настроить радио на местную волну. Костик угрюмо косится на меня. Он потирает свой заросший подбородок, и спрашивает:

— Зачем тебе водить машину?

— Чтобы сменять тебя и сестру. Я хочу быть полезной.

— Ты итак неплохо помогаешь.

Я нажимаю кнопки на магнитоле. Кручу колесико громкости. Хоть сейчас ночь, но я надеюсь, что радиоведущий объявит о пропавшей девушке с комплексами неполноценности, и аутизмом. В каком бы городе я ни была, я покупала местные газеты, и читала все новости. Я была в курсе всего, что творилось в радиусе трех областей от меня. Сейчас у меня статус пропавшей без вести, просто сбежавшей. Я очень не хотела возвращаться домой.

Я говорю:

— А что будет, если меня кто-то узнает на улице? Что тогда делать?

— Спросила бы ты что-то полегче, — выдыхает Костик. — Всем заправляет Мари. У нее и спроси.

— Она не будет ничего делать, пока ее петух жареный в жопу не клонет, — отвечаю я, закулив сигарету.

— А от меня ты что хочешь?

Я говорю, что ничего. Я знаю, что Костик не рад моей компании. И подозреваю, что для него и сестры я обуза.

Мы молча закупаемся в минимаркете у заправки, и возвращаемся в отель. Мари крепко спит, а мне что-то не хочется.

Я не помню своих родителей. Когда они погибли, мне было всего лишь пять лет. Тогда же и пропала моя старшая сестра. Ее я помню совсем немного, отрывочно. Вот Мари машет руками, кричит на бабушку, а потом хватается за лицо, получив оплеуху. Мари ходит туда сюда по нашей комнате, будто пойманный дикий зверь. Мари ночью склоняется надо мной, целует в лоб, и говорит "Прощай". После этого я не видела ее 11 лет. Но бабка о ней говорила. Ее проклинала и ненавидела.

Я знаю, что мои родители погибли на раскопках мужского монастыря, когда бытовку, в которой они спали, кто-то поджег. Бабка говорила, что это очень ужасно — быть сгоревшим заживо. А потом она говорила, что ее покойная дочь, то есть моя мать — всегда была несносной, и лезла туда, куда не следовало. И потому бог наказал ее.

Мне нельзя было говорить, но я хотела спросить, а за что бог наказал меня?

Я лежу в номере отеля, и вспоминаю...

Еще с самого начала мне казалось, что все тогда пошло не так. Бабка изо всех сил хотела казаться доброй женщиной. Но она часто выпивала и курила, но если быть до конца откровенной, то я помню, что она била меня за каждый проступок с того момента, когда органы опеки вручили меня ей на попечение. Бывало, она повышала голос до истеричного вопля, но потом говорила, что таким образом пытается вбить мне в голову простые истины.

— Твоя старшая сестра всячески отрекалась от бога, и посмотри, что с ней стало. — говорила бабуля, обычно после нескольких рюмок, — Ты тоже хочешь быть пропащей шлюхой? А вспомни, сколько она принесла в наш дом бед, когда сбежала.

Я не помнила никаких бед, но бабка рассказывала, что ее донимали органы опеки и милиция. Ее даже подозревали в убийстве своей старшей внучки, что было для бабы Гали настоящим ударом.

И, лежа в постели, я пытаюсь не вспоминать о том, как моя бабка стояла над тазиком с водой, наизусть читала псалмы, и полоскала свое "греховное женское вместилище", как она называла свою вагину. Потому и не удивительно, что мы бежали.

Я лежу в своей кровати, раскинув руки и ноги. Слушаю храп своих спутников, и вспоминаю, как толкнула бабку после того, как она пыталась схватить меня за волосы. Она упала на пол, и заорала. Не помню, но кажется, что в слезах я обозвала ее престарелой шлюхой, после чего быстро побросала вещи в сумку, отыскала заначку, и убежала на остановку.

Это я — сестра Мари. Мой репортаж — это мой дневник. Судовой журнал нашего корабля в виде какого-то там года выпуска Форда. Наш капитан Мари. А Костик говорит, что любит ее за то, что она очень красивая и сильная. А еще умная. Он говорит, что все эти качества вместе дают взрывной эффект.

— А еще она сосет так, что просто хочется умереть, — говорит он.

Я спрашиваю Мари, за что она любит Костика. Она брезгливо кривит губы:

— Кто сказал, что я люблю его?

Она поднимает бровь:

— Ну вообще, у него не плохой член. То есть не прям большой. Скорее он как та самая обувь, которая стоит дешево, но смотрится как дорогая, и при этом еще удобная. Помнишь те мои туфли на небольшом каблуке? Так вот, они как член Костика.

— И все? — спрашиваю я.

— А что ты еще хотела? Что мы друг друга любим как те самые идиоты с рекламы и тех мыльных опер, на которые ты дровича после полива огородов? У нас партнерство, общее дело, которое куда крепче уз брака.

— Тогда почему вы ревнуете друг друга?

— А кому нужны венерические заболевания? Ты задаешь совершенно инфантильные вопросы. Я просила тебя задавать только интересные, на которые мне будет не стыдно отвечать.

Мы едем в Рысьегорск. И чтобы было не скучно, я завела игру "Правда или действие". Мои попутчики пока выбирают правду, и все их ответы я записываю в свою тетрадь. Конспектирую жизнь, веду судовой журнал. Репортаж с места событий.

— Правда или действие, мелкая? — спрашивает Мари.

— Правда, — говорю я. — Потому что я знаю, какое действие ты запросишь.

— Неужели?

— Да. Задавай свой вопрос.

Мари поворачивается ко мне, и с дьявольской ухмылкой вопрошает, испытывала ли я сексуальное влечение к кому-нибудь.

— Испытывала.

— К кому же? — спрашивает Костик.

— А это уже другой вопрос, — пресыщено говорю я.

— В правилах игры такого нет. Перестань мухлевать, и расскажи, на кого ты зарилась, — говорит Мари.

Я переносусь в свой поселок. В школу, а точнее в спортзал. Это была зима, и директор послала меня позвать физрука на учительское собрание. Совсем ни о чем не подозревая, я пошла туда. В небольшую комнатку, где хранились мячи, гантели, маты, и лыжи. Даже сейчас помню, что там всегда пахло потом. Я не могла там находиться долго, и предпочитала заходить в то помещение задержав дыхание.

И в тот раз, я видимо зашла слишком тихо, так как наш учитель физкультуры самозабвенно мастурбировал, облокотившись о стол. Его штаны были спущены до лодыжек, и прежде

чем увидеть член, я обратила внимание на мускулистые волосатые ноги. И уже потом на красный отросток, который он дергал туда сюда.

– Боже, – смеется Мари, – Он спалил тебя?

– Да. Он выругался, и быстро спрятался за столом. Я сказала, что его зовет директор, и он сказал мне уходить.

– А сколько ему было лет? – закуривает Мари, – А большой был член? Ты видела его яйца? А живот тоже был волосатый?

– Шлюха, – бросает Костик, и тут-же получает кулачком в плечо, – Ай, блин, я вообще-то за рулем.

– Я больше не шлюха, – обращается к нему Мари, а у меня спрашивает, – Ты дровича на него?

Я говорю, что никогда этого не делала. Мари же мне не верит, и я заливаюсь краской. Тогда, придя домой, я легла в кровать и представила, как физрук терется своим причинным местом о мое лицо. Но я не дровича. Я боялась, что так нечаянно лишусь девственности, и не попаду в царствие божье, о чем мечтала и грезил баба Галя. А Мари говорит, что если бы я выбрала действие, то мне просто напросто пришлось бы выкинуть свой розовый свитер. Я же думала, что она попросит меня молчать до самого Рысьегорска.

– Правда или действие, Константин? – спрашивает Мари.

– Правда.

– Много лет назад, еще до нашей встречи, когда ты делал ужасные вещи...

Я записываю все в тетрадь.

– Когда ты напоил девушку, а потом насиловал ее в машине, попутно причиняя ей боль... Ты когда-нибудь жалел об этом?

Я смотрю на Костика через зеркало заднего вида, и наблюдаю за его реакцией. Густые брови нахмурены. Карие глаза напряжены.

– То есть, ты просто пользовался ее беспомощным положением, при этом не чувствуя даже вины? – спрашивает Мари.

– Блять, Мари. Ну еп твою мать.

– Отвечай.

– Конечно же нет. Я чувствовал, – выдыхает Костик.

– Ты лжешь. Если бы это было так, то ты бы не напрягался. Еще раз повторяю вопрос: ты любил ту, которая чуть не сдохла прямо под тобой?

– Да. Только это было не так, как ты себе представляешь. Я не хотел того, что тогда произошло. Я же тебе говорил, что это было какое-то наваждение, когда я увидел те сраные бусы. Я запихал ей в рот эти бусы, чтобы она не кричала.

– Что ты сделал с ней потом? – спрашивает Мари.

– Увез, – проглотил ком в горле Костик.

– И как тебя тогда все звали?

– Меня звали Шерханом, – совсем поникает Костик, а потом говорит, – Я сейчас остановлю машину, и рулить будешь ты.

Мари включает диск группы Sade, и больше не задает никаких вопросов. Костик мрачнеет на глазах, видимо снова окунувшись в воспоминания о не лёгком прошлом. Я не знала, правда ли это, но Мари мне по секрету сообщила, что именно так она с ним и познакомилась. Как я понимаю, это случилось в том-же придорожном комплексе, в котором две недели назад нашла я. Еще я знаю, что Костик красивый. То есть, Мари можно понять, почему она его ревнует и прощает. Я сама не раз видела, как на него смотрели женщины. Честно скажу, что я сопоставляла физрука с Костиком, но все таки физрук на фоне него кажется слабым, каким-то водянистым, и не имеющим в себе того рока, который так любила в Костике Мари.

В своей тетради я пишу: "Я так его ненавижу, что мне хочется, чтобы он разбился на своем сраном форде". Я пишу: "Он всегда смотрит на меня так, будто сам мечтает о моей смерти".

Я могу спокойно описывать такие вещи, потому-что пишу справа налево, то есть зеркально. Не думаю, что кто-то из моих попутчиков догадается воспользоваться зеркалом, чтобы разобрать мои шифры.

Мари открывает козырек с зеркальцем, и красит губы темно-красной помадой. Я смотрю на ее рот, а потом в окно. А там все так-же: лес, столбики километража, редкие машины, которые мы обгоняем. Солнца сегодня нет, иначе бы я не затевала игры. Было невыносимо тоскливо на сердце.

Пролистываю тетрадь до середины, и ищу тот день, когда у Костика случился нервный срыв. Он просто закрылся в ванной, и стал кричать о том, что больше так не может жить. Что ему надоело кататься из города в город, и постоянно быть на стрессе от того, что они делали. Мари в это время перебирала свои вещи. Сортировала по степени загрязнения. Какие-то тряпки она вообще выкидывала, так как они были безнадежно испорчены.

Я перелистываю страницы к тому моменту, где посреди ночи мне стало так страшно, что я начала плакать. А плакала я из-за подозрений Мари в том, что она мне лгала. Она могла с легкостью придумать всю историю, воспользовавшись воспоминаниями из моего рассказа о своей жизни. Я решила, что Мари выдавала себя за мою старшую сестру лишь для того, чтобы втереться в доверие, и без проблем меня выкрасть. Зачем? Я могла лишь догадываться, но я слышала о киднеппинге, о торговле детьми и подростками, о черной трансплантологии. Вообще была куча вариантов, как могла бы использовать меня Мари в своих целях.

И в ту ночь я встала с кровати, чтобы найти бусы сестры. Мне нужно было увидеть их, чтобы успокоиться. Ведь перед смертью родители подарили их нам. Я рылась в ее сумочке, и нашла только жвачки и презервативы. Мне тогда казалось, что если я прикоснусь к алым красным бусинам, я успокоюсь.

— Какого хрена ты роешься в моих вещах? — услышала я тогда голос Мари и обомлела. Сумочка выпала из моих рук, и я сказала, задыхаясь:

— Я хотела увидеть наши бусы.

— Серьезно? "Наши?" — она аккуратно перелезла через Шерхана, и на цыпочках подошла ко мне. Через окно пробивал свет уличного фонаря, но я все равно не видела лица Мари. Лишь очертания ее худого тела, в черно-синих оттенках. Впалый живот с блестящим украшением на пупке, ее груди — тоже проколотые. И нитка красных стеклянных бус, которые у нее — как крестик у православного.

— Зачем ты похитила меня? — начала я давиться слезами.

— Во-первых, ты сама поехала со мной. Во-вторых — я не тащила тебя из дома насильно. — Мари села рядом со мной и закурила. — Кстати, я советую тебе не трогать эти чертовы бусы. Если не хочешь проблем.

Она игралась с ними, и смотрела на меня. Она выдыхала дым мне в лицо, и я буквально не могла двинуться с места.

— Я вижу, как ты постоянно на них пялишься.

— Но ведь это просто бусы. — я беспомощно посмотрела на сестру. Мари подняла бровь, и сказала:

— Ты глупая малолетняя курица. Ты можешь играть хоть с пистолетом, и даже от него угрозы будет меньше.

— Почему?

— Я тебе потом расскажу, что с ними не так.

Она схватила меня за плечо, и мне стало больно. Мари буквально вонзила в меня свои когти. Угрожающе взяв сигарету в большой и указательный палец, будто наметив ею мне в глаз, она сказала:

— Я всеми силами оберегаю тебя от дерьма. От всего того, что меня испортило и сломало. Ты понимаешь, о чем я тебе пытаюсь сообщить? Из-за этих бус сгорели наши родители, а я чудом жива. И только потому, что я сильная.

Я кивнула и вытерла слезы.

— Я буквально душу наизнанку вывернула, чтобы тебя не касалась грязь. Я существую лишь для того, чтобы спасти тебя. Ты достаточно выяснила?

Я снова кивнула.

— Если тебе так не терпится порыться в грязном белье, то будь добра — делай это при свете дня, и в открытую. И никто слова тебе не скажет.

Мари затушила сигарету о ковер, и легла спать. Утром она вела себя так, будто ничего не произошло.

Я перелистываю тетрадь на конец марта, когда я впервые увидела Мари и Костика в придорожном комплексе "Рысья гора". Несколько страниц ближе к началу, где листы тетради бугристые от высохших слез. В тот день я описывала планы побега из дома. Описывала, как сильно меня избила бабка, и как было приятно впервые в жизни дать ей отпор. Тогда, еще на той странице, мне казалось, что лучшим исходом для меня будет смерть.

Тот вечер в придорожном комплексе я расписала на пол тетради. Я упомянула все детали уже сразу после него. Я боялась, что какая-то важная деталь выскользнет из моей головы, что-то сотрется под напором впечатлений. Я сидела на задних сидениях машины как сейчас, и светила себе фонариком зажигалки в дневник. Я описывала абсолютно все. Уже тогда я боялась просрать то, что обрела. Пусть хоть это приобретение было разовой акцией. Такое везение бывало лишь раз.

Я помню, как Икарус уехал. Красный старый автобус. Это был вечер в конце марта, и я стояла на остановке, держа наплечную сумку в одной руке, а другую я сжимала так сильно, что ногти оставили на ладони следы в форме полумесяцев. Мой багаж был невелик: немного одежды, ручки, тетрадки, сигареты, и пятьсот рублей во внутреннем кармане в паспорте. Этих денег хватило бы на обратный рейс до Пухты, но я тогда не хотела возвращаться к тому, от чего бежала. И в Рысьегорск я не хотела. Там мне некуда идти, ничего делать. Поэтому я вышла здесь, так как смысла ехать дальше не было.

Было уже темно и ветрено. От остановки я прошла десять метров до перехода, и перешла дорогу на другую сторону: ближе к заправке и гостинице. Какое-то время я посидела на скамейке у входа заправки, и просто наблюдала за посетителями. Кто-то заправлялся, кто-то что-то покупал внутри — полки за панорамным окном были заставлены пестротой сладостей и всего того, что могло бы понадобиться автомобилисту. Я уже хотела есть, но все таки не спешила тратить деньги. Мне казалось, что я могу потратить их на что-то более необходимое. Рядом крутились две девчонки в нелепых одеждах, и несмотря на запрет курения на заправке — обе изящно пыхтели папиросками, и обсуждали что-то жуткое:

— Они все страшные как смертный грех, — говорила азиатка с желтыми волосами. — Всех их надо показать косметологу, а потом психиатру.

— Сама там покажись вначале, — сказала миниатюрная девочка в цыганской юбке и с рыжими кудрями. — Мы ни одного клиента не сделаем, пока у Сулико тусуются эти идиоты из столицы.

— Их там человек двадцать. И они что-то уже разбили. Поражаюсь тому, что Сулико с Рафиком еще не рехнулись. — сказала азиатка, затушив окурочек о подошву своей туфли.

— Рафик уже с Тамарой потрахался. Его после секса даже атомной войной не смутит, — устало пояснила рыжая.

— Черт. Сегодня тогда выходной, — выдохнула азиатка, и посмотрела на меня, — Тебе чем-то помочь?

Я замотала головой, а потом виновато улыбнулась. Азиатка цокнула языком, и удалилась, взяв под руку свою подругу по несчастью. Почувствовав себя одинокой еще больше, я прижала сумку к груди и вздохнула.

Я просидела так час, пока на заправку не пришла высокая худая девушка в обтягивающем черно-золотистом платье. Она покачивалась, по пути ища что-то в маленькой сумочке. Девушка бубнила что-то себе под нос, и зашла на заправку. Вышла она уже с купленными сигаретами. Плюхнувшись рядом со мной, она открыла пачку, и жадно закурила. Ее бусы из красного стекла отражали свет заправки.

— Проклятье, — сказала она. — Черт.

Я старалась не обращать на нее внимание, но она взъерошила свои волосы, и посмотрела на меня. Прищурилась, и выдала:

— Этот цвет волос тебе не идет.

— Что, простите? — нахмурилась я. Девушка двинулась ближе, и приблизила лицо к моему уху. Она крикнула:

— У тебя мышиный цвет волос. Сейчас никого не заинтересуешь натуральностью.

Я ничего не сказала. Девушка протянула мне пачку сигарет, и чуть поколебавшись, я взяла одну папиросу и понюхала ее. Затем подкурилась. Я посмотрела вокруг — вдруг кто-то начнет возмущаться, но всем было плевать.

— Там, — девушка махнула рукой в сторону кафе за заправкой, — Лютое месиво. Все пьют и горланят песни. У меня кончились сигареты, и я пришла сюда. А еще голова болит. От водки со снотворными всегда так.

— Вы из столицы? — спросила я, вспомнив разговор двух девушек.

— Я похожа на москвичку?

— Ну, вы очень красивая. Эффектная.

— Спасибо, я знаю. — она запрокинула голову назад и выпустила дым через нос. — А ты москвичка?

— Нет. Я с поселка, — сказала я. И занервничала. Мне 17 лет, я в ста километрах от дома. И я совсем одна. — Из Пухты.

Девушка нахмурилась и спросила:

— А тут ты что делаешь?

Я пожала плечами. Девушка достала из пачки еще несколько сигарет, и подала их мне. Махнув на прощание рукой, она нетвердой походкой на высоченных каблуках ушла на шум музыки и веселых криков. Я убрала сигареты в сумку, и подумала о том, что у меня было бы меньше проблем, будь я такой красивой и сексуальной. Изучив свои сальные патлы, я всерьез задумалась о покраске волос в такой-же жгуче черный как у той незнакомки, но мне негде было красить волосы. И нечем. Я сидела на заправке одна, и лишь водители смотрели на меня, наверное думая, что я кого-то жду. А я действительно ждала, но сама не знала, кого. Я искала спасения в каждом прохожем, и наверное походила на котенка, которого оставили где-то на обочине трассы.

Я неспешно прогулялась по комплексу. Дошла до парадной двери гостиницы, окунувшись в красный свет светодиодной вывески. Подошла к пристроенному мотелю в два этажа, и скурила сигарету. Заинтересовавшись тусклым куполом часовни, я с удивлением обнаружила, что это была лавка сувениров. Закрыто. Я уселась на ее ступеньки, и записала происходящее в тетрадь, пользуясь светом уличного фонаря.

Здесь было красиво.

То есть, не так красиво как в пятизвездочном отеле, где красота общепринятая и будто симулятивная. Тут было грязно, где-то валялся мусор, но сосны на фоне темно-феолетового неба подсвечивались фонарями, и это было красиво. На парковке у гостиницы блестели стекла от битых бутылок, а за сувенирной лавкой в зарослях прошлогодней полыни щебетали какие-то маленькие птички. Это место обладало красотой уюта. Несмотря на свое бедственное положение, я чувствовала себя здесь спокойно. Мне было все равно на то, что будет завтра, и что было вчера.

Я прокручивала в голове причины своего побега, и думала, что скорее всего я была не одной такой. Такой дефектной, странной, не от мира сего. Такие как я стояли в очереди к иконе Николаю Угоднику, чтобы поставить свечу за упокой души своих родителей. Такие как я обычно лучше всех учились, но после школы пропадали, и зачастую никогда не съезжали от родителей. Я из тех девушек, которые никогда не пользовались косметикой, а при первых месячных падали в обморок, потому-что думали, что умирали. Быть пугливой тихоней все семнадцать лет, а потом сбежать из дома — это, наверное, настоящее сумасшествие. Но в чем я виновата? Виновата ли я в том, что сейчас на улице мне было гораздо лучше, чем дома?

"Этот цвет волос тебе не идет."

Я приблизилась к кафе "У Сулико". На террасе были люди, и они курили, держа в руках бокалы с алкоголем. Из колонок ревел "Отель" группы Нэнси, и среди всех я увидела ту незнакомку, которая поделилась со мной сигаретами. Она танцевала, глядя себя по бедрам, и трясла головой. Несколько мужчин аплодировали ей, а сзади ее обнимал высокий мужчина в черной рубашке.

Это — самое прекрасное, что я видела в последнее время. Мне так хотелось туда, к ним. И так-же танцевать, и обращать на себя внимание пьяных москвичей.

Но что-то произошло. Девушка вырвалась из объятий мужчины, и что-то ему сказала. Она закурила сигарету, и схватилась за лоб. Затем села на ступеньки террасы, и заплакала. Мужчина в черной рубашке сел рядом с ней, и устало опустил голову на колени.

Я стала свидетельницей какой-то драмы.

Девушка подняла голову, и увидела меня. Мужчина тоже посмотрел в мою сторону, и я замерла словно косясь при виде львиного прайда. Что-то сказав мужчине, она подошла ко мне. Действительно, она плакала. Ее тушь потекла.

— Ты чем-то занята сейчас?

— Эмм, нет. Я просто...

Она схватила меня за руку, и поволокла за собой. Мы очутились внутри кафе, и заняли самый дальний столик. Пододвинув ко мне тарелку с остывшим шашлыком и стакан с яблочным соком, она сказала:

— Мне нужно, чтобы меня кто-то отвлек. Расскажи мне о себе. Почему ты оказалась здесь? Почему ты смотрела на меня, когда я танцевала?

— Я...

— Меня зовут Мари. Ты помнишь меня? Я — твоя старшая сестра. Сейчас подойдет мой парень. Он тоже хочет послушать твою историю. А пока ешь.

Мне показалось, что я уже где-то видела ее. Ее черты лица были столь знакомыми, что мне показалось, будто она мне снилась когда-то давным давно. И ее серые холодные глаза... Она смотрела на меня, и практически рыдала, вымучено улыбаясь. И я начала говорить. Я рассказала о том, что сбежала из-за страха того, что в моей жизни ничего не будет хорошего. О том, как каждый день я мечтала поступить так-же как и Мари — просто сбежать.

После веселья и моего долгого пересказа жизни, Мари и Костик предложили мне переночевать в их машине до утра. Я устроилась на задних сидениях, и стала записывать все то, что со мной произошло. Костик храпел, волосы Мари укрыли ее лицо. В салоне пахло сигаретами, перегаром, парфюмом. Мне очень сильно хотелось пить.

Утром, когда все проснулись, из новостей по радио мы узнали, что половину Пухты смыло от наводнения. Я буквально замерла от осознания, что этим побегом спасла себе жизнь. Ведь дом бабки находился у реки совсем рядом с шлюзом, и понятно, что ни его, ни бабки — больше нет. Мари встревоженно посмотрела на меня, а я просто держала глаза закрытыми, пытаюсь переварить то, что произошло. За ночь я лишилась дома и опекуна. Но Мари сказала, что теперь, раз мне больше некуда деваться, я могу поехать с ней. Если захочу, конечно же. И я захотела.

На следующий день мы поехали в Пухту, чтобы убедиться в том, что шлюз прорвало, и мое прошлое к чертовой матери смыло водой. Всю дорогу я держала скрещенными пальцы, а еще молилась всем святым и не святым о том, чтобы моя бабка утонула. Конечно, эти мысли сопровождались укором совести, стыдом, но и вы поймите меня правильно — если бы выяснилось, что дом и бабка уцелели, Мари оставила бы меня в Пухте, и укатила с Костиком на поиски новых приключений. А ведь я поставила буквально все на этот побег. Я поклялась себе, что больше никогда в Пухту не вернусь.

И чем ближе к Пухте подъезжал наш форд какого-то года выпуска, тем больше мы встречали машины спасателей и волонтеров. Уже с трассы я заметила, как обмелело Пухтинское водохранилище. Его объемов воды хватило бы на то, чтобы смыть четыре Пухты, и я уже поняла, что мне некуда возвращаться.

— Не высовывайся, — сказала мне Мари, когда мы застряли перед разрушенным мостом через шлюз. С окна я видела, как туда уже согнали строительные краны, и как рабочая техника расчищала бетонные завалы у невыдержавших огромных железных ворот.

Костик припарковал машину на обочине, и велел нам ждать его. Он подошел к волонтерам, и что-то начал спрашивать. Когда он вернулся, он лишь улыбнулся, и сказал мне:

— Скорее всего теперь ты мертвая. Твое имя числится в списке пропавших, как и имя твоей сумасшедшей старухи.

Я заплакала. Страшнее всего то, что я могла тогда выйти из машины, подойти к волонтерам и сказать, что со мной все хорошо. Мной занялись бы органы опеки, и до совершеннолетия поместили бы в детский дом. А после него? Я пошла бы учиться, и скорее всего государство выделило бы мне какую-нибудь квартирку как полной сироте. Горевала ли я по бабке? Конечно же нет. Я столько лет мечтала о ее смерти. Это неизбежно гарантировало мне свободу.

Но еще страшнее было то, что Мари могла решить все за меня, и если быть до конца откровенной, я хотела остаться с ней.

Костик тяжело вздохнул. Он посмотрел на меня через зеркало заднего вида, и кажется, что он все понял. И Мари тоже все поняла. Форд какого-то года выпуска резко развернулся, и поехал прочь из Пухты, уже навсегда.

Это судовой журнал. Но кто я на нашем корабле? Мне кажется, что нами управляет зловещий рок, он же нас и истощает. Когда мы приезжаем в Рысьегорск, Мари забирает мой рюкзак, и уходит с ним, не говоря ни слова. Я смотрю на Костика-Шерхана.

— Что? — спрашивает он, подняв бровь.

— Мы так и будем жить дальше? — спрашиваю я, перевеивая взгляд на удаляющуюся по улице Мари. Мы стоим у какого-то торгового центра, но никто не спешит тратить деньги на развлечения.

— А ты знаешь как заработать большие деньги более честным способом? — спрашивает он.

— Ну не заниматься же всю жизнь перевозкой поддельных паспортов и оружия? Особенно в моем рюкзаке с моими журналами, — повышаю я голос. Не выдерживаю, и закурываю сигарету из пачки Мари.

— Пизда малолетняя, — вдруг ударяет рукой по рулю Шерхан, скалясь на меня, — Что ты блять вообще знаешь?

— Да пошел ты, — шепчу я, затягиваясь сигаретой.

Если быть до конца откровенной, то это был не первый раз, когда я доводила Костика. Это было не сложно сделать, ибо он заводился с пол оборота от каждой херни. То, как он сжимает кулаки, и как он сжимает челюсть, будто сдерживая проклятья в мой адрес... Но абсолютно точно я знаю — он не может позволить себе сорваться на меня при Мари.

Тигр, которого посадили в клетку, и которому дают тапком по носу за каждый рык. Вот, что из себя представляет Шерхан. И успокоившись, он говорит. Он, на удивление спокойно мне сообщает:

— Она спасает не тебя. Неужели ты не понимаешь? Я был против того, чтобы она забирала тебя. Против и сейчас. Но не потому, что я тебя ненавижу, хотя порой ты нарываешься... Дело в том, что в своем горе она совершенно одна. Я могу быть как угодно рядом, но Мари будет все равно одинока.

— Что ты хочешь сказать? — я закурываю вторую сигарету.

Шерхан вздыхает, и чешет затылок. Он шумно вздыхает.

— Ты не знаешь, через что она проходила. Разумеется, тебе она все распишет красиво, но на деле все было не так. Криминал, проституция, изнасилования, побои. Твоя сестра из этого делает культ, и иначе она жить не может.

— А ты можешь? — спрашиваю я.

— Могу. А может и нет. Но меня ничего не отравляет, в отличие от Мари.

— Что ее отравляет? — спрашиваю я.

— То, что затыкало и затыкает ей рот, — отвечает он. И не дав мне сказать и слова, он открывает дверь машины, и выходит.

Я остаюсь в машине одна. Со своими мыслями. Экипаж покинул судно, и мне совсем не хочется проводить аналогию с крысами, бегущими с корабля. Я испытываю ревность. Я чувствую себя душой. Костик и Мари мне чего-то недоговаривают, и он гораздо ближе к моей сестре, чем я. И меня это так раздражает, так унижает, что я перебираюсь на задние сидения. Срываю с волос свои глупые розовые заколочки. Снимаю с себя свитер с Микки Маусом, и выкидываю его прямо на парковку. Согнувшись пополам, я начинаю рыдать. Я очень хочу домой, но у меня больше нет дома. Есть только этот автомобиль и мои тетради. Наконец-таки до меня доходит то, что я отрицала с того момента, как в моей жизни появилась Мари: даже несмотря на то, что она появилась, я все равно одинока. Я...

Я просто не рассчитала свои силы, чтобы врать самой себе.

Вечером, когда возвращается сестра с набитым деньгами рюкзаком (она выкинула мои журналы, чтобы освободить место), мы снимаем посуточную квартиру. По обычаю я занимаю ванну, и крашу волосы в черный. Пока жду, когда чертовая краска проникнет в мои волосы, я с сигаретой в зубах листаю еще один журнал, купленный в том самом торговом центре, где я лишилась почвы под ногами. Слышу, как Мари опять орет на Костика за то, что он наговорил мне всяких "глупостей". Она сразу заметила, что я стала вести себя необычайно тихо.

Когда я выхожу из ванной с полотенцем на голове, Костик, едва держась на пьяных ногах, хлещет из горла водку. Он смотрит на меня, и говорит:

— Черный тебе не идет.

Мари, сидящая за столом за подсчетом денег, вдруг хмурится, и говорит:

— Придурок. Тебя не смущает то, что мы с ней как две капли воды? Хочешь сказать, что и мне черный не идет?

— Да пошла ты, — говорит он, и швыряет пустую бутылку в угол комнаты. Откинувшись в кресле, он запрокидывает голову, и я подхожу ближе, чтобы увидеть, как его острый тигринный взгляд мутнеет, тупеет.

Я говорю, обратившись к Мари, но не отводя глаз от небритого лица Костика:

— Что ты в нем нашла?

— Я не знаю, — пожимает она плечами, облизнув палец, чтобы купюры не скользили, — Лучше отойди от него, а то он опять будет на тебя гнать.

Мне хочется коснуться пальцами его губ. Хочется коснуться его лба в капельках пота. Сняв полотенце с головы, я накрываю им лицо Костика, будто покойника. Затем роюсь в сумке, чтобы найти косметику. Мне хочется повторить макияж Мари, чтобы действительно убедиться в том, что мы с ней — как две капли воды. Но ее косметикой в своей тетради я рисую лицо. Подводкой очертания глаз. Теньями — серые холодные зрачки. Помадой вывожу тонкие но чувственные губы, которые дарили Шерхану столько удовольствий.

И ночью, прежде чем уснуть, Мари склоняется надо мной. Поцеловав меня в лоб, она улыбается и говорит, что теперь я — сильная девочка. Сняв с шеи бусы из красного стекла, она вручает их в мои руки, и поправив ремешок своей любимой сумочки на плече — растворяется в темноте. Я прижимаю холодные бусины к губам и плачу навзрыд. Мой дневник подходит к концу. Наш корабль, груженный страхом, болью, и обманом — садится на мель.

Я — Люба Новоселова. Я перелистываю страницу своей истории, и начинаю судовой журнал с нуля. На утро, после того, как Мари исчезла, Шерхан готовит завтрак. С сигаретой в зубах и голый по пояс, он жарит яичницу, и увидев меня — улыбается. Я сажусь за стол, налив себе в стакан редбулл со льдом.

— Сегодня мы уезжаем в небольшой город по соседству, — говорит Шерхан, отделяя лопаткой яичницу от сковородки, — Я присмотрел новую машину.

— А что с этой будешь делать? — спрашиваю я, тоже закурив.

— Не знаю. Если получится, сегодня же ее продам. — он достает тарелку, и кладет на нее яичницу. Ставит на стол на против меня. Рядом кладет вилку.

— Мне с тобой придется ехать?

Шерхан ест прямо со сковородки, царапая вилкой антипригарное покрытие. Он ест стоя за моей спиной, и мне немного от этого не по себе. Он говорит:

— Я оставлю тебя за городом. Так меньше подозрений. О побеге даже не думай.

— Хорошо, — говорю я с набитым ртом.

— Ты какая-то сегодня странная, Люба. — замечает он, подойдя ближе. Оставив сковородку в покое, он встает позади меня, и кладет руки мне на плечи, от чего я замираю как кролик перед пастью питона. Он пальцами гладит красные стеклянные бусины на моей шее, дышит мне в затылок.

— Со мной все хорошо. — заверяю я его. Шерхан садится рядом со мной, и впивается в меня тигринными хищными глазами. Смотрит мне в глаза, а затем опускает взгляд на груди.

— Ты одела эти бусы... Определенно, с тобой что-то не так.

— Ты действительно так считаешь? — спрашиваю я его. Затем тушу окурок в недоеденном желтке. Резко встаю, и начинаю собираться.

— Я оставлю тебя в кафе у заправки. Подождешь меня там? — спрашивает он.

— Подожду, — отвечаю я, хотя могла бы легко сбежать. Но я должна кое что закончить. И когда Шерхан подходит ко мне чтобы поцеловать — я отвечаю на его поцелуй.

Я стою, курю, и добровольно на заправке ожидаю свою смерть. Кто я, если не сумасшедшая? Прекрасная жизнь, если быть убитой где-нибудь на трассе лучше, чем терпеть бабку. "Когда-нибудь тебя сгубит наивность" — говорила она, и я понимаю это. А кому какое дело? Не в моих силах просто так взять, и вырастить в своих мозгах инстинкт самосохранения.

Но все таки рядом со мной останавливается большой винно-красный автомобиль, и я думаю, что это просто путники. Когда я вижу его небритое довольное лицо за лобовым стеклом, я еще думаю просто убежать в лес.

Я улыбаюсь, и забираюсь в салон. Пристегиваюсь, и смотрю на него. У него засучены рукава. Видимо, чтоб было проще душить меня на задних сидениях.

И он говорит:

— Я до последнего думал, что ты сбежишь от меня.

Словно дурочка, я начинаю возиться с ремнем безопасности. Удивительно, что он сейчас добрый, и не стал беситься и орать. Наступает неловкое молчание, в котором мы просто улыбаемся, но я думаю о том, что если автомобиль тронется, хватит ли у меня смелости выпрыгнуть на полном ходу?

— Я думала, что это ты не приедешь, — говорю я.

— Ты же знаешь, что я тебя не брошу, — говорит он, дергая коробку передач, — Как тебе машина? Как по мне, этот пикап слишком большой.

— Как по мне, так хорошая машина, — говорю я. — Уютная, большая. И пахнет сигаретами.

— Тебе действительно нравится? — поднимает бровь Шерхан.

— Да. — говорю я. И он закуривает. И я закуриваю следом за ним, стряхивая пепел в банку пива, которую захватила с собой вместо пепельницы.

— Кстати, тебя ждет подарок, Люба. Я купил пластинки Дэвида Боуи и еще нескольких исполнителей. Как вернемся, можешь послушать.

— Когда ты успел купить машину и пластинки? — спрашиваю я.

— За пять часов можно многое успеть сделать. — он делает паузу, — А что ты будешь пить? Из алкоголя.

— Все, что можно пить. Важен не вкус, а состояние. Особенно с тобой, — говорю я.

— Может тогда вина? Просто я купил несколько бутылок White Horse, но меня предупредили, что оно не самое лучшее.

— Пойдет.

— Люба...

— Что?

— Тебе разве не все равно? — спрашивает он, глядя на дорогу. Его глаза скрыты солнцезащитными очками, и когда я их не вижу — мне очень просто ему дерзить.

— Я уже привыкла, что все за меня решает насильник, — отвечаю я.

— Да твою ж мать.

Мы заезжаем в придорожное кафе чтобы перекусить. Я настаиваю на том, чтобы заплатить за обед, но Шерхан отбирает мою тысячу, которой я размахиваю в знак своей платежеспособности, и запикивает ее обратно в мою сумку. Я чувствую себя нахлебницей, и тащусь следом за ним.

Место, в которое мы приехали, мне знакомо. В этом придорожном комплексе моя жизнь поделилась на две части. Я чувствую странную оскмину в сердце, больше похожую на скуку по дому. Но я гоню ее прочь, и сажусь за столик напротив Шерхана. Он, не глядя в меню,

заказывает поесть, и персонально мне банку колы из холодильника. Официантка запоминает заказ и уходит, наверное думая, что мы отец и дочь.

— Ну как, тебе нравится здесь? — спрашивает он, скрестив руки на груди.

— Тут ничего не меняется. — говорю я. Я стараюсь не смотреть в его глаза, и потому уткнувшись в стол, вывожу по нему узоры пальцем. Смотрю в окно, а там еловые леса и трасса, по которой хоть сейчас автостопом и до конца жизни.

— Устала? — спрашивает он.

Пожимаю плечами. Меня больше беспокоит то, что до Рысьегорска осталось совсем немного, и врядли мы будем гулять все время по набережной, или еще где-то. Я чувствую, чем это все пахнет. Но скоро я опять окажусь на его территории, и тогда неизвестно, что он опять будет делать со мной. Я ловлю себя на мысли, что мне действительно насрать, что он будет делать. Будет ли на этот раз все хорошо, или он опять напьется, и будет ко мне приставать. Я не чувствую страха, пока не увижу его воочию. Сейчас же все спокойно, и закатное солнце окрашивает скалы и леса в ярко оранжевый цвет. Дальнобойщики курят на открытой террасе, и если что, я могу закричать и сказать, что меня похищают.

"Зато ты не дома" — шепчет мне внутренний голос, и немного я успокаиваюсь. Все таки с людьми по близости я чувствую себя лучше и увереннее. К слову, мне даже нравится накручивать себя.

Нам приносят долгожданную еду. Замечаю, что он набрасывается на нее с какой-то хищной жадностью, и проглатывает куски почти не пережевывая. Он пачкает свою бороду, и мне хочется вытереть ему лицо бумажной салфеткой. Но заведение наполнено людьми, и с виду этот жест заботы будет выглядеть странно. Тем временем тарелка Шерхана уже пуста, когда я только притрагиваюсь к котлете и к салату.

— Ебать ты есть, конечно, — не сдерживаюсь я и фальшиво улыбаюсь.

— Что? — не понимая спрашивает Шерхан.

— Ты так быстро ешь...

— Ну вроде да. Просто я слишком крупный, и "топлива" нужно больше.

Я кое как справляюсь с котлетой, но мне хочется больше пить. Но банку кока-колы я не открываю, так как хочу осушить ее за сигареткой. Понимаю, что уже сыта, и двигаю нетронутый салат своему путнику. Он справляется с ним так-же быстро, и довольно вытирает губы о край своей клетчатой рубахи.

— Ну что, поехали?

— А покурить? — спрашиваю я, достав пачку красного винстона, заблаговременно купив ее еще утром.

— Как скажешь.

Мы курим у его машины, а когда отъезжаем, Шерхан берет мою руку и сжимает ее. Мое сердце пропускает несколько ударов, и я делаю вид, будто ничего не происходит. Пялюсь в окно, за которым все чаще и чаще мелькают рекламные вывески, верно предупреждающие нас о приближении к Рысьегорску. Его рука горячая и влажная, будто поглощает мою руку, обхватывает ее, и одно неверное движение — и мои пальцы будут сломаны. Но мы сцепляемся пальцами, что мне кажется слишком интимным. Я одергиваю руку.

— Прости, — говорит он. — Просто я думал, что это снимет напряжение, а получилось наоборот.

— Да не, все нормально, — пытаюсь я заверить его, хотя у самой сердце по ощущениям бьется где-то в области задницы.

— Ты только скажи, и мы просто не будем друг друга касаться. Просто набухаемся, поболтаем, или по телеку что-нибудь посмотрим.

— После такого будет глупо друг друга не касаться.

— Тебе тогда не понравилось. Знаю.

— Вроде да, но... Я чувствовала себя как-то грязно.

— Люба, точно все хорошо? Ты побледнела.

Блять, блять, блять, — неоновой бегущей строкой пробегает в голове, и в панике я пытаюсь придумать какой-нибудь убедительный ответ. Но теряюсь еще больше, и думаю о том, что было бы славно на полном ходу выехать на встречу под фуру, чтобы красный пикап расплющило всмятку вместе с содержимым. Я киваю головой, достаю свои спасательные сигареты, и выдыхаю дым в приоткрытое окно. Хотя бы он будет свободным от неловкости, которая полноправно царит в салоне.

Наконец-таки мы въезжаем в Рысьегорск, вторгаясь в его серость промзон, и пестроту реклам автомастерских и оптовых магазинов. Я жадно разглядываю город, пытаюсь впитать в себя его суть, его ленивую энергетику товарных поездов. Шоссе серой шелковой лентой выводит нас ближе к центру с его сталинками, но мы едем дальше, останавливаясь лишь на многочисленных светофорах. Район "Кукино" приветствует нас девятиэтажками, у подножия которых мы и останавливаемся. Мы выходим из машины. Мои ноги и задница изрядно затекли.

Мы заходим в подъезд, поднимаемся на седьмой этаж. Моя душа куда-то отлетает, когда Шерхан открывает передо мной дверь, еле удерживая пластинки и проигрыватель. Пахнет окурками и мужским одеколоном.

Скидываю свои туфли на каблуке и чуть ли не обнимая сумку, прохожу в большую комнату, где из мебели только кресло, диван, кофейный столик, телевизор на тумбочке, и все. Шерхан говорит, что сейчас переоденется, и придет. Я сажусь на край дивана, и разглядываю унылые желтые обои. Кажется, что если их скрутить и скурить, то будет не хуже обычных сигарет. Взглядом ищу пепельницу, но не вижу ее. На кофейном столике валяется мелочь, чеки, и ручки.

Шерхан появляется в серой майке и в шортах, держа в руках старый проигрыватель для пластинок. Он ставит его на пол, подключает вилку к розетке. Затем снова уходит, и возвращается с пачкой конвертов для винила и бутылкой "Белой лошади".

— Короче. Вот тебе проигрыватель, вот тебе пластинки. Включай. Я пока найду рюмки и закусить.

Я сползаю на пол к проигрывателю. Поднимаю пластмассовую прозрачную крышку, и включаю его. Листаю конверты с пластинками, и нахожу "Зигги Стардаста". Срываю пленку, и достаю драгоценный новенький винил. Шикарно. Ставлю его, и как раз Шерхан приносит колонку. Подключаю ее, отсчитываю дорожку, и плавно опускаю иглоку на пластинку.

И мое сердце обливается кровью. Чертов Дэвид Боуи даже в объятиях смерти может растопить меня. И звук такой четкий, объемный. Поднимаю голову, и вижу радостного Шерхана. Кажется, ему понравилось, что мне пришелся по вкусу такой подарок. Он снова убегает куда-то, и возвращается с коробкой вишневого сока, и холодными чебуреками в фольге. Разливает "Белую лошадь" по рюмкам, и мы чокаемся под унылое: "За новую машину".

Алкоголь прожигает меня. Алкоголь, словно огонь, облизывает языками пламени мои внутренности, и я понимаю, что этот виски гораздо лучше водки. Виски исцеляет мою душу, гонит страх и неуверенность прочь. Я улыбаюсь. Волшебство снова рядом — я далеко от проблем. Ничто не важно. Гром лишь бывает во время дождя. Я не помню, что было, и что суждено потерять.

— Еще. — говорю я, и Шерхан наливает целую рюмку. Опрокидываю ее в себя, прижимая язык как можно ниже. Это не опьянение, но я знаю, что самовнушение играет со мной злую шутку. Я хочу прочувствовать это наедине, но он что-то говорит, что-то спрашивает. Зигги Стардаст орет с колонки, и я знаю слова каждой песни, я знаю его концепцию. Я знаю, чем все это кончится.

— Сколько мы уже в пути? — спрашивает он, закинув ногу на ногу. Он раскидывает руки по спинке дивана, и напоминает не то борзого мудака, не то атланта, удерживающего на могучей спине нашу гребаную планету.

— Три недели.

— Я рад, что тебе понравился мой подарок. Я постарался подыскать как можно больше пластинок, но я даже не знал, что сейчас это дефицит.

— Надеюсь, тебе нравится такая музыка. — говорю я, — Никто не любит Боуи так, как я. Он гений. Если бы не он, музыка сейчас была бы иной.

Сейчас не хотелось бы расплакаться, ибо повторюсь: алкоголь действует на меня двояко. Либо я сентиментальная, либо мне весело и насрать. Я смотрю на своего мучителя, и начинаю снова ощущать это отвращение, которое чувствовала. Будто меня бьют разрядами тока по центрам отвращения в головном мозге. Из всех сил я пытаюсь подавить в себе слезы, но мне придется поцеловать Шерхана. Снова ощутить его объятия, его царапающую лицо бороду, и запах. Это противоестественно. Это не должно со мной происходить. И будет очень глупо, если выяснится, что весь этот флакон ощущений исчезнет в не нужное время.

Мы пьем еще. Я подползаю ближе к кофейному столику, ближе к Шерхану. Нечаянно задеваю рукой его волосатую ногу, и он машинально одергивает ее. Что-то происходит. Незаданные вопросы и признания домокловым мечом парят над нашими грешными головами. Мы слишком пьяные, чтобы поворачивать назад, но слишком трезвые, чтобы двигаться дальше.

Мне жизненно необходимо обратиться к своему страху за поддержкой, но его нет. И нет благоразумия, чтобы просить у нее помощи. Я ставлю пластинку великих хитов группы The Cure, и вроде становится лучше.

Я беру бутылку и пью с горла. Стараюсь делать вид, будто мне несколько не горько, но лицо само кривится, и это, наверное, выглядит смешно со стороны. Забираюсь на диван, отдаю бутылку, и кладу голову на колени Шерхану. Забавно смотреть на него снизу вверх. Борода, и кончик носа.

— Надеюсь, тебе удобно, — говорит он, тоже хлебая с горла.

— Безусловно.

— Мы почти прикончили на двоих бутылку. Что ты скажешь на этот счет?

— Больше нет? — не на шутку пугаюсь я и приподнимаю голову.

— Не ссы. В холодосе есть еще одна.

— Костик, только не...

— Харе оправдываться. Лучше слезь с меня, — говорит он, и пытается руками приподнять мою голову.

И я понимаю. Только сейчас я начинаю чувствовать затылком то, что у него встает. Я поворачиваюсь лицом к его животу, задираю вверх футболку, и целую чуть ниже пупка, где растут волосы. Лево́й рукой забираюсь выше, трогаю его волосатый крепкий торс.

— Люба...

Я встаю, и сажусь к нему на колени. Обхватив ладонями его лицо, я целую его. Целую, пока его руки не начинают прижимать меня к себе.

— Люба, ты же говорила, что не хочешь...

— Ты ведь знал, чем это кончится, — говорю я, и мы снова целуемся. Мне хочется прижаться к нему еще ближе, почувствовать его тело, но эта чертова одежда мешает мне. Когда Шерхан скидывает футболку а я платье, мы какое-то время замираем в объятиях. Мне тяжело дышать, ведь он обнимает настолько сильно, будто хочет впечатать меня в себя. Еще немного, и его грудная клетка раскроется огромной кровавой пастью дабы поглотить меня и сделать частью себя.

Мы снова целуемся, и мне кажется, что губы Шерхана солоноватые на вкус. Лишь потом я вспомню, что это были мои слезы.

Ранним утром я стою в ванной комнате и смотрю на свое отражение в отвратительном желтом свете. Несколько минут назад я хорошенько проблевалась, а сейчас смотрю себе в глаза. Смотрю на синяки на шее, и на взъерошенное черное каре. Включаю холодную воду, и умываюсь. Тру лицо так, будто хочу содрать с черепа скальп, но лучше, чтобы получилось содрать то омерзительное чувство, с которым я проснулась. Водой это не исправить.

От каждой мысли тошно. Но становится еще хуже от понимания, что совратили не меня, а я. Что же, Люба — как бы там ни было, поздравляю тебя. Давным давно от нечего делать я смотрела вместе с бабушкой те самые передачи, в которых люди признавались, что до них домогались какие-то незнакомые мужчины, а те самые мужчины говорили, что это их соблазнили. Я еще тогда думала: какой дуре придет в голову по своей воле спать с насильником?

Я не берусь отвечать за других, но со мной все ясно. И я не знаю, что делать дальше. Уходить, или все-таки мне остаться с Шерханом, пока он не убил меня? Это не тот случай, когда мне уже стоило бы чего-то бояться, но мне становится страшно. Я, будучи заложницей чудовища, переспала с ним по своей пьяной воле. Я могла бы остановиться в любое время, но я не останавливалась.

"Так и он не останавливался" — голосит здравый смысл, но мне так дурно, что я хочу остаться в этой ванной навсегда. Если об этом кто-то узнает...

Что мне делать? Он до сих пор в спальне, спит голый. Я хочу дождаться его пробуждения, и поговорить. Но еще я хочу одеться, и тихо уйти. Я забуду об этом, а если не получится, я буду напиваться до тех пор, пока мои мозги не поплывутся. Или же наоборот — я попробую бросить все это, состричь волосы, сменить одежду, и стать другой.

По утрам всегда холодно. Даже кажется, будто бы рассвет забирает тепло, а не дарит его. Я прокрадываюсь на кухню в поиске второй бутылки "Белой лошади" и снова пью. Если я брошу пить, то не сегодня. Сегодня я и минуты не пробуду трезвой. Но алкоголь лишь делает хуже, он пробуждает во мне рыдания, и я сгибаюсь пополам, слыша, как слезы каплют на потертый линолеум. Мне холодно. Я обнимаю себя, но не могу согреться. Я иду в большую комнату и нахожу свое платье. Снова иду в ванную, и смотрю на себя. Я понимаю, что мне было бы не так мерзко, если бы мне происходящее ночью не нравилось. Мне не было бы столь гадко на душе, если бы меня опять изнасиловали. Но я задавала правила игры, я дразнила, и я делала все так, будто Шерхан был и вовсе не первым.

Проклятая пьяная шлюха.

Интересно, каково же было Мари? Мне всегда казалось, что это ей приносило только удовольствие. Но я хочу сгореть заживо, лишиться рассудка, убить себя. Почему это происходит со мной? Это довольно таки странный вопрос учитывая то, что я с самого начала знала, чем это закончится.

Я иду на кухню, и махом пью половину виски. Снова сгибаюсь, но чтобы не стошнило. Запиваю все найденным в холодильнике вишневым соком. Мысли — уйдите пожалуйста. Дайте мне время прийти в себя, и понять, что мне делать дальше.

Опьянев, и не найдя никаких альтернатив, я возвращаюсь в постель. Прижимаюсь к его груди, и пытаюсь уснуть. Наконец-таки во мне просыпается равнодушие к происходящему. Я обнимаю его, и он в полудреме тоже обнимает меня. Целует в голову. Закидывает на меня ногу, и наваливается всем телом. Я пытаюсь раствориться. Я подумаю об этом когда-нибудь потом.

— Костик, — подаю я голос.

— Что? — открывает глаза он, и гладит меня по щеке.

— Мне пиздец хреново. От того, что произошло. Это не правильно. Этого не должно было со мной произойти.

— Успокойся, все нормально. Просто ты перебрала алкоголя.

— Да бля, я чувствую себя грязной. Я хочу сдохнуть. Что мне теперь делать? Как мне теперь жить?

— Ты же сама начала. Когда я брал тебя силой, ты так не истерила.

Чуть отстранившись, я заглядываю в его глаза, но не вижу усмешку, которую хотелось бы увидеть. Это такая шутка? Хочется закричать, разрушить все, испариться на атомы.

— Рано или поздно это случилось бы, — продолжает он, зевая, — Ты рано или поздно сама бы хотела меня, и может любила.

— Просто, — устало усмехаюсь я. — Мне теперь как быть?

— Как обычно. Ничего же не произошло плохого. Тебе и мне было хорошо, и я думаю, что ты достаточно взрослая, чтобы не заморачиваться по таким мелочам. Люди спят друг с другом, и это нормально.

— Но спят не с такими уродами, как ты. — шепчу я.

— Ты хочешь меня сделать виноватым? Но учти, что ты первая начала все это.

— Так почему ты это не прекратил? Почему ты не остановился? — спрашиваю я. Слезы опять подступают к глазам, а Шерхан отводит взгляд. Вздыхает, будто собирается с мыслями. И отвечает:

— Я не хотел тебя обидеть.

— Сейчас ты делаешь как раз таки это. — сев в кровати, я начинаю пальцами расчесывать свои волосы.

Он берет мою руку, и прижимает к груди. Я разбиваюсь на части. Сердце замирает, будто через прикосновение отдавая всю жизненную силу его огромному сердцу, мерно бьющемуся в груди. Во мне больше нет души, которую звали Любой Новоселовой. Это естество испаряется из меня, просачивается через пространство между атомов моего тела. Я Мари. Я Мари. Я Мари. Я теперь только красная помада, бусы, сигареты, и коварство. Это кончится, но сейчас я Мари. Сейчас я принадлежу самой себе, а не тому, кто лежит со мной рядом.

Я иду в комнату, чтобы включить музыку. Не могу попасть иголкой в дорожку, так как пластинка крутится слишком быстро. Лицо кажется тяжелым от опьянения, и я начинаю его разминать. Ничего не чувствую, и начинаю смеяться. Мне весело, но при этом я хочу как то вытравить из себя алкоголь, быстро отрезветь, чтобы опьянеть от того, что я хочу сделать. Мне не нравится, что все такое инертное. Тело напоминает смолу, а мысли — вязнувших в ней комаров. Чем больше я пытаюсь мыслить, тем сильнее все становится глупым, не имеющим смысла.

Руки, большие и сильные, теплые руки — обнимают меня. Я поваливаюсь назад, чувствуя спиной Шерхана. Он целует меня в висок, покусывает мочку уха. Я пытаюсь что-то сказать, но на ум ничего не приходит. Я расслабляюсь, и просто позволяю делать ему все, что он хочет. Под опьянением у меня мало сил, чтобы сопротивляться.

— Я знаю, что ты не до конца мне веришь, но я тебя люблю.

И я смеюсь. Какая ложь! Я много раз слышала это, чтобы знать контекст и правду. И оставив в покое проигрыватель, я прошу его лечь на диван. Сама иду на кухню в поисках остатков виски и моих сильнодействующих снотворных. Меня качает, но при мысли, что мне придется опохмелить Шерхана, голова быстро трезвеет. Главное — не пить алкоголь самой.

Когда я возвращаюсь, он лежит голый, обхватив рукой член. Я подношу бутылку к губам, делая вид, что глотаю, а потом даю бутылку ему. Жестом я заставляю выпить все, а потом ложусь на него, и затеваю свою игру.

— У тебя глаза такие коварные, — улыбается он, обхватив мое лицо руками, — Как тогда, в наш первый раз.

— Ты про то, когда ты изнасиловал меня в придорожном комплексе? — напоминаю я ему, укусив мочку его уха.

— Ты закрывала глаза, или отворачивала голову. Мне нужно было, чтобы ты смотрела на меня. И когда ты кричала, я запихал тебе твои бусы в рот, чтобы тебя не услышали. И тогда ты посмотрела в мои глаза.

— Я была пьяна, Шерхан, — улыбаюсь я. Отстранившись, я сажусь на него, и провожу руками по волосатой груди. — И это ты напоил меня.

— Я знаю, что поступил с тобой как мудака.

— Со мной, или Мари?

Шерхан хмурит брови, и смотрит на меня как на дуру. Я смотрю на него как на ничтожество, которое сейчас отрубится. И когда его глаза, отяжеленные действием снотворного закрываются, я укрываю его одеялом. В ванной вызываю рвоту, а затем умываюсь. Беру свою дорожную сумку, и на дно укладываю несколько пачек денег из рюкзака Шерхана. Сверху кладу необходимую одежду.

Я снимаю с себя бусы из красного стекла, и оставляю на его груди. Дневник я тоже оставляю ему. Можно сказать — самое ценное. Но на последних страницах пишу:

"Я больше так не могу. Я взяла свою долю со своих сделок. Знаю, что ты будешь меня искать, но все же я попрошу оставить меня в покое".

Стокгольмский синдром, не иначе, но я думаю о том, чтобы украсть у Шерхана еще что-нибудь себе на память. Колец он не носит, и в целом, для своих успешных криминальных предприятий ведет довольно скромную жизнь, чтобы тратить деньги на какие-то не обоснованно дорогие вещи. Но в углу прихожей валяется его кожаная куртка с красным шелковым подкладом. Чтож... Тебе, Шерхан бусы от меня на память, ну а мне — твоя косуха. Накинув ее на плечи, и взяв дорожную сумку с деньгами, я в последний раз смотрю на Костика. Когда он проснется, он будет рвать и метать, но я постараюсь, чтобы он не нашел меня.

Шерхан! Хотя я и называла его в своих тетрадах Костиком — так мягко и безобидно, будто он и вовсе не насиловал меня, чувства к нему у меня все таки довольно смешанные. Когда он проснется, то будет искать Любу Новоселову. Ту самую девочку, которую он напоил в придорожном комплексе, изнасиловал, а потом похитил. Без разницы, как я тогда себя звала, но он сам знает, что он тогда натворил. И я могу сочинять сказки в тетрадах для себя сколько угодно, но пора мне признать, что так больше продолжаться не может.

Мои тетради...

Хоть я и знаю правду, я все таки хочу, чтобы Шерхан прочитал мою ложь. Я хочу, чтобы он прочитал, как я спасала себя враньем о том, что якобы он и моя пропавшая сестра нашли и спасли меня. Все это время, что Шерхан принуждал меня к сексу, я воображала себя крутой и сильной девчонкой, какой могла бы быть моя пропавшая сестра. И в моменты, когда мне казалось, что я сломалась и полюбила его — это была Мари. Я берегла Любу Новоселову всеми силами от зверя, но так вышло, что я не смогла уберечь эту девочку от Мари.

Какой смысл притворяться, если я могу просто быть? Еще когда я перекрасила волосы в черный (что Шерхану не понравилось), я уже знала, что сбегу. Мне не хватало лишь смелости и четкого плана.

Дни насилия. Сексуального и психического. Я больше так не могу. Он заставил Любу Новоселову молчать и прятаться, но Мари это нельзя запретить.

Я уеду автостопом так далеко, как только смогу. Я не вернусь в Пухту, потому что в прошлую жизнь надо возвращаться хоть сколько нибудь прежней, а не такой, какой я стала сейчас. Я писала в тетради, что якобы моя сестра Мари так и поступала — сбегала, агрессивировала, боролась, использовала свою красоту и обаяние как оружие, и я наконец таки могу себе признать в том, что я об этом всегда мечтала.

Удивительно! В тех записях я расщепила себя на две составляющие. То, чем я хотела быть — я приписала Мари. То, что оставалось — я оставляла себе, боясь бабу, Шерхана и других.

Надеюсь, прочтя мой судовой журнал, Шерхан что-нибудь поймет, хотя я сама ничего не понимаю.

Прощай Костик.

С Любовью — Мари.

Глава 2

Грешная троица.

Это — судовой журнал, и меня зовут Мари. Или Люба Новоселова, хотя меня уже никто так не зовет. Когда Аня впервые увидела меня, она сказала, что я немного похожа на бледную Покахонтас, которую морили голодом две недели. Нэнси утверждала, что издали я чем-то напоминаю Шалом Харлоу.

Мой постоялец Виталий тоже зовет меня Мари, как и все. Я с поздней осени живу в его съемной квартире, и он ни разу не звал меня Любой, или игриво Любашкой, или Любочкой. Мари. В том, как он произносит это имя, я слышу почитание и боготворение. Моя фигура — его алтарь для поклонов, а мои ноги — колонны божественного храма, стерегущие вход в рай. Аняте он не нравится. Так как она тоже с ним спала когда-то, она чувствовала его слабохарактерность и золотое кольцо на безымянном пальце. Я понимала, что от женатых мужчин не стоило ждать чего-то хорошего, но Виталик снимает мне жилье, и приезжает чтобы потрахаться и дать денег. Его благоверная знает о моем существовании. Испытываю ли я вину? Ну разумеется. Но и поделаться ничем с этим не могу. Если я брошу Виталика, то попросту окажусь на улице.

Если особо ничего не утаивать, то я стала проституткой. Весной, летом, и осенью я живу и работаю в придорожном комплексе "Рысья гора", а зимой кочую по теплым койкам клиентов. Денег зарабатываю достаточно.

Что я буду делать, когда стану старой? Стану сутенеркой, или примерной женой для своего будущего мужчины.

Еще будут вопросы?

Я выгляжу как типичная тощая модель из 90х. Волосы черные. Одеваюсь по разному. Аня выглядит как рыжий ангелочек, с детскими чертами лица. Она носит цыганскую юбку, расшитую бисером и бусинами из полудрагоценных камней. С нами еще тусуется Нэнси, и вместе мы составляем трио самых молодых проституток в придорожном комплексе "Рысья гора". В теплое время года мы снимаем номер на троих, как и другие проститутки. Кто-то живет в кабинах у дальнотойщиков. Сейчас я подробнее все расскажу.

В часе езды от Рысьегорска, у подножия скал между вековых сосен расположился придорожный комплекс "Рысья гора", в котором есть гостиница, заправка, кафе "У Сулико", стоянка для фур, а так-же небольшая сувенирная лавка со всяким барахлом для туристов. До кучи еще — летний мотель в два этажа. Это место, разумеется, пользуется спросом, и с весны до осени здесь постоянно останавливаются туристы и дальнотойщики чтобы отдохнуть, или посетить ту самую скалу, где был мужской монастырь. Здесь живем и мы — проститутки, под покровительством нашего сутенера Инессы. В рабочих отношениях мы свободны. Просто платим за проживание, и башляем часть заработка за защиту, и прочие бонусы. Я бы это назвала социальным пакетом. Но обо всем по порядку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.